

ФРЭНК ГЕРБЕРТ

ДЕТИ ДЮНЫ

*ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА*

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Сое)-44
Г37

Серия «Эксклюзивная классика»

Frank Herbert

CHILDREN OF DUNE

Перевод с английского *А. Анваера*

Серийное оформление *А. Фереза, Е. Ферез*

Компьютерный дизайн *А. Чаругиной*

Печатается с разрешения литературных агентств
Trident Media Group, LLC и Andrew Nurnberg.

Герберт, Фрэнк.

Г37 Дети Дюны : [фантастический роман] / Фрэнк Герберт ; [перевод с английского А. Анваера]. — Москва : Издательство АСТ, 2024. — 640 с. — (Эксклюзивная классика).

ISBN 978-5-17-120491-4

«Дети Дюны» — третья книга культовой эпопеи Герберта. На политическом ландшафте Арракиса появляются новые игроки — наделенные сверхспособностями и даром предвидения дети Пола Атрейдеса, близнецы Лето и Гханима. Дети, лишенные детства. Дети, которым придется проявить мудрость и стойкость, чтобы выжить самим и спасти Вселенную...

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Сое)-44

© Herbert Properties LLC, 1976

© Перевод. А. Анваер, 2016

ISBN 978-5-17-120491-4

© Издание на русском языке AST Publishers, 2024

Учение Муад'Дибба стало ристалищем схоластики, суеверий и разврата. Он же учил умеренной жизни, философии, с которой человек мог противостоять тяготам вечно изменчивой вселенной. Человечество, учил Муад'Диб, развивается, и процесс этот не кончится никогда, поскольку зиждется он на изменчивых принципах, известных одной лишь вечности. Но как, скажите вы мне, может развращенный ум пользоваться такой сущностью?

(Слова ментата Дункана Айдахо)

На толстом красном ковре, покрывающем влажный пол пещеры, вдруг заплясало пятно света. Он падал как бы ниоткуда, казалось, этот зайчик существует сам по себе на колючем ворсе ковра. Беспорядочно перемещаясь, становясь то круглым, то овальным, пятно, стремительно изогнувшись, переползло на зеленое одеяло, свисавшее с лежанки.

Под зеленым одеялом спал ребенок, он был совсем по-детски круглолиц, рот был очень большим — в мальчике не было присущей фрименам скупости черт, как, впрочем, не было и водянистой полноты, столь характерной для выходцев из *того* мира. Пятно света скользнуло по глазам ребенка, и маленькая фигурка шевельнулась. Свет исчез.

Теперь в пещере раздавалось только тихое дыхание и едва слышное падение капель с козырька на поставленную у входа бочку.

В темноте снова блеснул свет, теперь он был явно сильнее на несколько люменов, со светом появился и его источник — проем входа в пещеру, на фоне которого замаячила фигура в капюшоне. Луч света, словно приносящаяся, снова начал стремительно рыскать по углам и сводам. В этой пляске таилась какая-то угроза, тревожное недовольство. Обогнув спящее дитя, свет пробежал по забранной решеткой воздушной отдушине, потом по складкам золотисто-зеленых занавесей, скрадывавших грубые каменные стены.

Свет мигнул и погас. Раздался предательский шелест плаща, и фигура мужчины в капюшоне застыла под сводчатым потолком входа. Каждый, кто был знаком с обычаями ситча Табр тотчас догадался бы, что это Стилгар, наиб ситча, опекун и страж высокородных близнецов-сирот, которым предстояло унаследовать мантию своего отца — Пола Муад'Диба. Стилгар был частым ночным гостем в пещере брата и сестры, заходя сначала в покои Гханимы, а потом в примыкавшую к ним спальню Лето.

Я старый дурак, подумал Стилгар.

Он провел пальцами по холодной гладкой поверхности светового проектора, прежде чем спрятать его в сумку, подвешенную к поясу. Этот проектор невыносимо раздражал Стилгара, постоянно напоминая о своей магической власти над ним. Проектор был тончайшим инструментом, главным прибором Империи, умевшим обнаруживать присутствие людей и животных. Сейчас в королевских покоях не было никого, кроме мирно спящих детей.

Уж кто-кто, а Стилгар знал, что его собственные мысли и чувства были куда сильнее проектора. В опекуне горел неугасимый внутренний свет. Этот свет направлял движения души Стилгара; вот и сейчас этот дьявольский внутренний луч высвечивал все зло его сильной природы. Прямо перед ним лежит мальчик, воплощающий магнетическую мечту о вселенском величии. Вот они — преходящие богатства, светская власть и сильнейший мистический талисман: божественная копия религиозного наследия Муад'Диб. В этих двойняшках — Гханиме и Лето — сконцентрировалась мощь, внушавшая благоговение. Пока жили эти дети, в них жил физически умерший Муад'Диб.

То были не просто девятилетние дети; то была первородная сила, предмет поклонения и страха. То были дети Пола Атрейдеса, ставшего Муад'Дибом, Махди Всех Фрименов. Муад'Диб взорвал ход истории; фримены начали межпланетный джихад, неся с собой неистовый пыл веры и утверждая во всех обществах свои власть и господство. Око новой власти было вездесущим, след, оставленный ею, стал поистине неизгладимым.

Но ведь дети Муад'Диб состоят из плоти и крови, подумал Стилгар. Двумя ударами кинжала я могу остановить биение их сердец, и вода их вернется к их племени.

При этой мысли его своенравный ум пришел в смятение.

Убить детей Муад'Диб!

Годы, однако, приучили Стилгара к интроспекции. Он знал, откуда идут эти страшные мысли — от левой руки проклятия, а не от правой руки благодати. *Айят* и *бурхан* жизни — вот две величайшие

тайны для Стилгара. Когда-то он исполнялся величайшей гордости, думая о том, что он — фримен, что пустыня — его друг, что его планета — Дюна, а не Арракис, как ее именуют все имперские звездные карты.

Как все было просто, когда Мессия был лишь мечтой, думал между тем Стилгар. Обретя Махди, мы растворили в мирах вселенной наши мессианские надежды. Все народы, познавшие ярмо джихада, мечтают теперь о своих вождях.

Стилгар взгляделся в темноту спальни.

Если мой кинжал освободит те народы, примут ли они меня как Мессию?

Было слышно, как Лето беспокойно зашевелился в постели.

Стилгар тяжело вздохнул. Он не был знаком с дедом Атрейдесом, чьим именем нарекли этого ребенка, но многие говорили, что именно старому Атрейдесу был обязан Муад'Диб своей нравственной силой. Но не может ли случиться так, что это врожденное качество *правоты* покинет последнее поколение? Стилгар был не в состоянии ответить на вопрос.

Он думал: *ситч Табр принадлежит мне. Я правлю здесь, я, наиб фрименов. Без меня не было бы никакого Муад'Диб. И эти двойняшки... их мать, Чани — моя кровная родственница, а значит, в жилах детей течет и моя кровь. Я причастен ко всему этому — я, Муад'Диб, Чани и все прочие... Но что сделали мы со своим миром?*

Стилгар так и не смог понять, почему его охватили эти мысли и по какой причине вызвали они такое сильное чувство вины. Он зябко поежился под просторным плащом. Действительность совсем не

походила на мечту. От былой дружественной пустыни, простиравшейся некогда от полюса до полюса, осталась едва ли половина. Казавшийся мифом, но ставший действительностью зеленый рай вызвал у Стилгара мгновенную вспышку недовольства. Да, это не мечта и не сладкий сон. Планета изменилась, и он изменился вместе с ней. Он стал тоньше, чем прежний вождь ситча. Теперь Стилгар познал многое: силу государственной власти и тяжелую ответственность принятия самых, казалось бы, незначительных решений. Но все же, но все же... Стилгар чувствовал, что эта душевная и психологическая тонкость есть не что иное, как хрупкий внешний покров, под которым скрывалась железная сердцевина прошлого простого и определенного опыта. И эта сердцевина зывала к его существу, требовала переоценки ценностей.

Течение мыслей Стилгара было нарушено утренними звуками пробуждавшегося ситча. В пещерах послышалось движение. Щек Стилгара коснулось дуновение утреннего ветерка — люди начали выходить из-под сводов в предрассветную мглу. Ветерок шептал о беспечности и о непрестанном беге вечного времени. Обитатели пещер напрочь забыли о водной дисциплине. Да и зачем беречь воду, если на этой планете часто идет дождь, на небе постоянно видны облака, а в старых вади то и дело гибнут люди, застигнутые потоками воды? Раньше в языке Дюны не было слова *утонуть*. Но теперь нет и самой Дюны, есть Арракис... и наступило утро нового, полного хлопот и дел дня.

Стилгар подумал: *Сегодня на нашу планету возвращается Джессика, мать Муад'Диб и бабка царственных близнецов. Но почему она решила закончить*

свое добровольное изгнание именно сейчас, сменив негу и надежность Каладана на опасности Арракиса?

Были и другие опасения: почувствует ли она сомнения Стилгара? Эта женщина — ясновидящая Бинэ Гессерит, воспитанница Ордена сестер, посвященная в самые глубокие таинства, полноправная Преподобная Мать. Такие женщины обладают невероятным чутьем, а потому опасны. Не прикажет ли она ему броситься на собственный нож, как приказала когда-то умме, защитнику Лайета-Кайнса?

Подчинюсь ли я этому приказу? — подумал Стилгар.

На этот вопрос не было ответа, но Стилгар думал уже о Лайете-Кайнсе, планетологе, которому первому пришла в голову мысль превратить пустынную Дюну в цветущий оазис, в какой она в конце концов и превратилась. Лайет-Кайнс был отцом Чани. Не будь его, не было бы ни мечты, ни Чани, ни близнецов. Эта хрупкая цепочка снова вызвала недовольство.

Каким образом мы встретились здесь? — спросил себя Стилгар. Каким образом соединились? Для какой цели? Не мой ли долг положить этому конец и разрушить эту великую комбинацию?

Стилгар ощутил великое и страшное искушение. Он в состоянии сделать этот выбор, отречься от любви и семьи ради того, что должен совершить наиб: принять смертельно опасное решение ради сохранения племени. Но какое же это будет предательство и мерзость! *Убить детей!* Однако это были не простые дети. Конечно, они ели земную простую пищу, участвовали в празднествах, бродили по пустыне и играли в те же игры, что и все дети Фрименов, но... но они же заседали в Имперском Совете.

Дети в столь нежном возрасте были настолько мудры, что заседали в Совете. Да, это дети во плоти, но было в них что-то древнее, устрашающие простого смертного генетическая память и знания, внушенные их теткой Алией и унаследованные самостоятельно, — и это невидимой, но прочной стеной отделяло близнецов от прочих смертных.

Долгими бессонными ночами Стилгар пытался постичь природу этой избранности близнецов и их тетки; много раз пробуждался он среди ночи, мучимый этими мыслями, приходил в покои царственных детей и застывал на пороге решения. Но сегодня Стилгар осознал причину своих сомнений. Неспособность принять решение — это тоже решение. Эти близнецы и их тетка были разбужены от векового сна еще в утробе матери, когда на них снизошли знание и память предков, и причиной всему было пристрастие к специи, пристрастие матерей — леди Джессики и Чани. Леди Джессика родила сына, Муад'Диб, до того, как вкусила специи. Алия же явилась после этого. Теперь-то, по зрелом размышлении, это стало совершенно ясно. Бесчисленные поколения генетического отбора, направленного Бинэ Гессерит, сошлись на Муад'Диб, но Ордену сестер даже в страшном сне не могло привидеться, что в их планы вторгнется меланж. О, сестры знали об этой возможности и боялись ее как огня, называя не иначе как *Мерзостью*. Этот факт вызывал ни с чем не сравнимое отвращение у Стилгара. Мерзость. О, у них были основания так рассуждать. И если бы сестры объявили, что Алия есть воплощение Мерзости, то же самое должны они были сказать и о Чани, употреблявшей специю. Тело Чани было напоено меланжем, и ее гены стали удачным дополнением к генам Муад'Диб.

Ум Стилгара пришел в смятение. Нет никаких сомнений в том, что близнецы не пойдут путем своего отца. Но куда пойдут они? Мальчик говорил, что способен стать своим отцом и доказал это. Будучи еще младенцем, Лето показал, что знает нечто, что могло быть известно только Муад'Дибу. Может быть, в необъятных глубинах памяти ребенка ждали своей очереди и другие предки, знания и опыт которых составят величайшую опасность для всего рода человеческого?

Мерзость, говорят сестры-колдуньи Бинэ Гессерит. Но тем не менее все они жаждут добраться до генофонда вверенных ему детей. Сестры хотят не запятнанного плотским вожделением соединения спермы и яйцеклетки. Не потому ли так поспешно возвращается леди Джессика? Она порвала с Орденем сестер, чтобы воссоединиться со своим супругом герцогом, но молва утверждала иное — она возвращается, чтобы утвердить путь Бинэ Гессерит.

Я могу положить конец этой мечте, этому кошмарному сновидению, подумал Стилгар. Это же невероятно просто.

Он удивился тому, как вообще подобные мысли могут прийти ему в голову. Разве дети Муад'Дибаны виноваты в том, что действительность уничтожает чаяния других людей? Нет. Эти дети не что иное, как линза, фокусирующая свет, оттеняющий новые формы Вселенной.

По-прежнему охваченный смятением ум Стилгара обратился к древним верованиям фрименов. *Грядет заповедь Божья; не ищи торопить ее. Бог покажет путь; и найдутся те, кто свернет с него.*

Больше всего ужасала Стилгара религия, которую возвестил Муад'Диб. Зачем они сделали из Му-

ад'Диба бога? Зачем было обожествлять человека из плоти и крови? *Золотой Эликсир Жизни* Муад'Диба породил бюрократического монстра, чудовище, ко- ему не было никакого дела до людских бед и забот. Власть и религия объединились, нарушение закона стало не только преступлением, но и грехом. Дух святотатства начинал куриться над каждым, кто подвергал сомнению правительственные эдикты. Любой мятеж вел к очищающему адскому огню и всеобщему праведному осуждению.

Но ведь те, кто издавал эдикты, были всего лишь людьми.

Стилгар грустно покачал головой, не замечая слуг, вошедших в прихожую царских покоев для от- правления своих утренних обязанностей.

Стилгар провел пальцами по ножнам висевшего на поясе криса, символа утраченного прошлого, и по- думал о том сочувствии, которое не раз охватывало его по отношению к мятежникам, чьи отчаянные по- пытки восстаний подавлялись его же собственными приказами. Стыд и смятение вновь окатили Стилга- ра горячей удушливой волной; как бы хотелось ему избавиться от них, вернувшись к простоте холодной разящей стали. Но Вселенная не движется назад. Жизнью движет великая сила, выдвинутая в серое Ничто несуществующего. Убить близнецов можно, но это вызовет лишь сотрясение Ничто, которое от- дастся катастрофическим эхом в истории челове- чества, породив новый хаос и заставив людей искать новые формы порядка и беспорядка.

Стилгар вздохнул и прислушался. Да, новый день начался. Слуги — это олицетворение порядка, свя- занного с близнецами Муад'Диба. Слуги переходят от одного действия к другому, побуждаемые сиюми-

нутной необходимостью. *Надо подражать им, подумал Стилгар, и пусть приходит то, что приходит.*

Я тоже слуга, сказал он себе, слуга Бога, милостивого и всепрощающего Бога. Он вспомнил слова: «Определенно, Мы надели ошейник на их выи до самого подбородка, чтобы они подняли головы; Мы поставили перед ними стену, и Мы поставили стену позади них; и Мы покрыли их, чтобы они не видели».

То были слова старой религии фрименов.

Стилгар мысленно кивнул себе.

Видеть, уметь предвосхитить наступающий момент, как это умел Муад'Диб, пронзая своим сверхъестественным зрением время и помогая людским делам, превращая их в свершения. Так находилось новое поприще для принятия решений. Но если с тебя снимут ошейник, то не будет ли это бичом Божиим? То будет новая сложность, которую не разрешить простому смертному.

Стилгар снял руку с ножа, но в пальцах продолжало пульсировать живое воспоминание о нем. И все же лезвие, поразившее некогда песчаного червя, осталось в ножнах. Теперь Стилгар знал, что не обнажит его, чтобы убить близнецов. Во всяком случае, не теперь. Он принял решение. Надо сохранить ту доблесть, которой он всегда гордился: верность. Лучше те сложности, о которых знаешь, чем недоступные пониманию. Лучше настоящее, чем сны о будущем. Горький вкус во рту напомнил Стилгару, насколько пустыми и суетными могут быть сны.

Нет! Довольно снов!

ВОПРОС: «Видел ли ты Проповедника?»

ОТВЕТ: «Я видел песчаного червя».

ВОПРОС: «И что он делает?»

ОТВЕТ: «Он дает нам воздух, которым мы дышим».

ВОПРОС: «Тогда зачем истребляете вы его землю?»

ОТВЕТ: «Потому что Шай-Хулуд (обожествленный песчаный червь) приказывает нам делать это».

(Харк аль-Ада.
«Загадки Арракиса»)

По фрименскому обычаю юные Атрейдесы поднимались с постели за час до рассвета. Просыпаясь от едва слышной суеты прислуги, дети, словно чувствуя друг друга сквозь разделявшую их стену, одновременно зевали и потягивались, слыша, как слуги готовят завтрак в передних покоях. Завтрак состоял из простой каши с финиками и орехами, приправленной сиропом из специй. Под потолком передних покоев висели желтые круглые световые шары, мягкий свет которых лился под сводчатые входы в спальни. При этом неярком свете дети торопливо одевались, прислушиваясь друг к другу. По взаимному согласию наследники Муад'Дибы носили конденскостюмы, защищающие от иссушающих ветров пустыни.

Но вот царственные близнецы вышли в передние покои; прислуга сразу притихла, и это не укрылось от внимания Лето и Гханимы. Все сразу заметили, что поверх серого гладкого конденскостюма на Лето надет темный плащ с черным кантом. На сестре красовался такой же зеленый. У ворота оба плаща были застегнуты золотыми застежками в виде ястребов с глазами из красных рубинов — символом Дома Атрейдесов.

Разглядев все это великолепиие, Хара, одна из жен Стилгара, не смогла сдержаться.

— Вижу, вы приоделись в честь приезда бабушки.

Лето не спеша принял из рук служанки миску с кашей и только после этого взглянул в темное, иссеченное морщинами лицо Хары.

— Почему вы не думаете, что мы приоделись в свою честь? — спросил мальчик, покачав головой.

Хару не смутило язвительное замечание.

— У меня такие же синие глаза, как и у вас, — произнесла она без всякой дрожи в голосе.

Гханима громко рассмеялась. Хара в своем репертуаре — женщина никогда не упускала случая проявить типично фрименскую задиристость. Вот и сейчас она имела в виду: «Вы, конечно, царевич, мой мальчик, но у нас с вами одинаковые глаза — без белков, а это знак пристрастия к специи. Какому фримену нужна бóльшая честь?»

Лето улыбнулся, сокрушенно покачав головой.

— Хара, любовь моя, если бы ты была чуть-чуть помоложе и не была бы женой Стилгара, то я сделал бы тебя своей женой.

Нисколько не удивившись легкости своей маленькой победы, Хара сделала знак остальным слугам продолжить приготовления к важным дневным делам.

— Ешьте свой завтрак, — строго сказала она. — Сегодня вам понадобятся силы.

— Так ты признаешь, что мы не слишком хороши для встречи бабушки? — с полным ртом каши спросила Гханима.

— Не бойтесь ее, Гхани, — ответила Хара.

Лето проглотил кашу и испытующе взглянул на Хару. Эта женщина дьявольски, по-простонародно-

му умна — она сразу поняла, что кроется за пикировкой об изяществе одежды.

— Поверит ли она в то, что мы боимся ее? — спросил мальчик.

— Похоже, что нет, — ответила Хара. — Когда-то она была нашей Преподобной Матерью, и уж я-то знаю, каковы ее повадки.

— Как оделась Алия? — спросила Гханима.

— Я еще не видела ее, — коротко отрезала Хара и отвернулась.

Лето и Гханима обменялись заговорщическими взглядами и вышли под центральный свод, заговорив на древнем наречии, известном им благодаря генетической памяти.

— Итак, сегодня приезжает бабушка, — сказала Гханима.

— И это сильно беспокоит Алию, — откликнулся Лето.

— Кто же станет радоваться, уступая такую власть?

В ответ Лето тихо рассмеялся. Это был смех зрелого мужчины, который до странности не вязался со столь юным телом.

— Да, но и это еще не все.

— Ты думаешь, что глаза ее матери увидят то, что видим мы?

— А почему бы и нет? — спросил Лето.

— Да... Наверное, именно этого и боится Алия.

— Конечно, кто знает о Мерзости больше, чем ее воплощение?

— Но мы можем и ошибиться, — возразила Гханима.

— Мы не ошибаемся, — сказал Лето и процитировал отрывок из книги Азхар Бинэ Гессерит: —